

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ и НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

ПРОФЕССОР
А. Д. МАКАРОВ

О ПРОИЗВЕДЕНИИ
ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА
«АНТИ-ДЮРИНГ»

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

МОСКВА · 1951

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Профессор
А. Д. МАКАРОВ

О ПРОИЗВЕДЕНИИ
ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА
„АНТИ-ДЮРИНГ“

Стенограмма публичной лекции,
прочитанной в Центральном
лектории Общества в Москве

★ К ЧИТАТЕЛЯМ ★

Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний просит присылать отзывы об этой брошюре по адресу: Москва, Китайский проезд, 3, Редакционно-издательскому отделу Общества.

★

Редактор — профессор В. М. ПОЗНЕР,

А 05700.

Подп. к печ. 14/VIII 1951 г.

Тираж — 200 000 экз.

Объем — 2¼ печ. л.

Заказ № 1690.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул «Правды», 24.

Произведение Фридриха Энгельса «Анти-Дюринг», по характеристике В. И. Ленина, представляет собой исключительно содержательную и поучительную книгу; в ней дано не только глубокое, цельное изложение всех трёх составных частей марксизма — философии, политической экономии, научного социализма, — но и показан образец непримиримой, наступательной борьбы с противниками марксизма, образец критики враждебной рабочему классу идеологии.

«Анти-Дюринг» после «Капитала» Маркса является важнейшим произведением марксизма; в нём наряду с характеристикой и критикой теоретических источников марксизма раскрывается сущность и всемирно-историческое значение революционного переворота, совершённого основоположниками марксизма в области философии, политической экономии и теории социализма.

«Анти-Дюринг» — полемическое произведение, непосредственно направленное против сочинений врага марксизма, проповедника специфически прусского «социализма», материалиста-метафизика, приват-доцента Берлинского университета Евгения Дюринга (1833—1921).

Первоначально эта работа Энгельса под названием «Переворот в науке, произведённый г. Евгением Дюрингом» печаталась в 1877 году по частям в центральном органе германской социал-демократии, в газете «Vorwärts»; в 1878 году она вышла отдельной книгой.

Книга «Анти-Дюринг» написана Энгельсом, но в её подготовке активно участвовал также и Маркс, придававший большое значение задаче теоретического разгрома Дюринга, работы которого были в то время одним из идейных источников оппортунизма в рядах германской социал-демократической партии. Маркс не только прочитал работу Энгельса, прежде чем она была сдана в печать, но и написал для отдела политической экономии специальную главу «Из критической истории».

Появление работы «Анти-Дюринг» относится к началу второго периода в истории революционной борьбы международного пролетариата, когда все домарксовские формы социализма уже потерпели крах, а победивший марксизм всё шире и шире распространялся в рабочем движении. Но «диалектика истории такова, — пишет Ленин, — что теоретическая победа марксизма заставляет

врагов его п е р е о д е в а т ь с я марксистами. Внутренне-сгнивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического оппортунизма. Период подготовки сил для великих битв они истолковывают в смысле отказа от этих битв. Улучшение положения рабов для борьбы против наемного рабства они разъясняют в смысле продажи рабами за пятак своих прав на свободу. Трусливо проповедуют «социальный мир» (т. е. мир с рабовладением), отречение от классовой борьбы и т. д.»¹.

Оппортунизм был внесён в германскую социал-демократию при её возникновении.

Одним из основных идейных источников оппортунизма в германской социал-демократии было лассальянство. Лассаль (1825—1864), возглавлявший «Всеобщий германский рабочий союз», проводил линию на подчинение рабочего движения прусско-юнкерскому государству, на превращение «Всеобщего германского рабочего союза» в послушное орудие правительства.

Лассаль, по своим философским воззрениям идеалист-гегельянец, был противником революционной теории и тактики марксизма, толкал рабочее движение Германии на реформистский путь, насаждал в германском рабочем классе иллюзии возможности его освобождения через посредство введения всеобщего избирательного права и организации с помощью правительства Бисмарка рабочих производственных товариществ.

Маркс и Энгельс критиковали Лассалья как закоренелого реформиста и националиста, проповедника реакционных идей о надклассовом характере государства, называли Лассалья королевско-прусским придворным демократом.

После смерти Лассалья руководители «Всеобщего германского рабочего союза» продолжали отстаивать его взгляды, и, когда назрела необходимость объединения «Всеобщего германского рабочего союза» и «Эйзенахской социалистической партии», они протащили их в 1875 году в программу германской социал-демократической партии, принятую на объединительном съезде в Готе. Съезд утвердил программу вопреки тому, что проект этой программы, подготовленный Вильгельмом Либкнехтом, был признан Марксом и Энгельсом совершенно неудовлетворительным и подвергнут глубокой и всесторонней критике. В Готской программе были обойдены такие основные жизненные вопросы для марксистской партии, как вопросы об исторической необходимости и неизбежности социалистической революции и диктатуры пролетариата. Программа в своих основных разделах оказалась насыщенной оппортунистическими, главным образом, лассальянскими положениями.

Оппортунизм особенно начал нарастать в партии с 1878 года, с момента введения в Германии бисмарковского исключительного закона против социалистов. Трудности, с которыми партия встре-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 546. Изд. 4-е.

тилась в это время, были усугублены, указывает Ленин, тем, что к преследованиям со стороны открытых врагов марксизма и революционного рабочего движения «прибавился внутренний кризис — шатания в основных вопросах тактики. Сначала подняли голову оппортунисты, давшие себя запугать разрушением легальности и затянувшие песенку уныния, отречения от неурезанных лозунгов, обвинения самих себя в том, что мы-де зашли чересчур далеко и т. п... Другим шатанием было тогда увлечение Дюрингом, в конце 70-х годов прошлого века. Недолгое время Бебель тоже разделял это увлечение. Сторонники Дюринга, наиболее выдающимся из которых был Мост, играя в «левизну», быстро катились к анархизму. Резкая, уничтожающая критика дюринговских теорий Энгельсом была встречена неодобрительно во многих партийных кругах, а на одном съезде партии было даже сделано предложение удалить эту критику со страниц центрального органа»¹.

В этих условиях борьба Маркса и Энгельса с проявлениями оппортунизма и ревизионизма в рядах германской социал-демократической партии приобрела особую актуальность и остроту.

В. И. Ленин, характеризуя переписку Маркса и Энгельса, относящуюся к 70-м годам XIX века, подчёркивает, что через все отзывы в ней о немецком движении красной нитью проходит «предостережение против «правого крыла» рабочей партии, беспощадная (иногда — как у Маркса в 1877—1879 гг. — б е ш е н а я) война с оппортунизмом в социал-демократии»².

Оппортунист Хехберг и другие представители «правого крыла» германской социал-демократической партии, пользуясь примиренческой линией Вильгельма Либкнехта, пытались превратить складывавшуюся социал-демократическую партию в партию социальных реформ, растворить научный социализм в утопическом мелкобуржуазном социализме.

Разоблачая оппортунистов, стремившихся вызвать в партии реакционный поворот, Маркс писал:

«Эти люди... хотят социализм (о котором они имеют понятие по университетскому рецепту) и, главным образом, социал-демократическую партию сделать умереннее, а рабочих просветить, или, как они выражаются, привить им «элементы образования», сами имея только путанные полужнания, и, кроме того, они раньше всего ставят себе задачей поднять значение партии в глазах мелкой буржуазии. Все же они представляют из себя ни больше, ни меньше, как убогих контрреволюционных болтунов»³.

Одним из наиболее видных представителей этого сорта «социализма» был Евгений Дюринг, работы которого — «Курс философии» (1875 год), «Курс национальной и социальной экономии» (1876 год) — были положительно восприняты многими руководи-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 266, 267.

² В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 325.

³ Цит. по В. И. Ленину. Соч., т. 12, стр. 326—327.

щими работниками партии. В письме к Зорге в октябре 1877 года Маркс, указывая на это, писал:

«...В Германии в нашей партии,— не столько среди масс, сколько среди вождей (выходцев из высших классов и «рабочих») пахнет гнилью.

Компромисс с лассальянцами привел к компромиссу и с другими половинчатыми элементами, в Берлине... с Дюрингом и его «поклонниками», и, кроме того, с целой бандой незрелых студентов и преумнейших докторов, поставивших себе задачей дать социализму «более высокое идеалистическое» направление, то есть заменить его материалистическую базу...»¹.

Энгельс в «Анти-Дюринге» разоблачил взгляды Дюринга как антинаучные и враждебные революционной борьбе пролетариата. Подвергнув сокрушительной критике Дюринга, а в лице его и всю компанию подвизавшихся в то время в Германии мизерных эпигонов утопического социализма, Энгельс одновременно выполнил и другую весьма важную задачу — дал в одной книге связанное, систематическое изложение марксистской теории.

В «Анти-Дюринге» Энгельс разоблачил Дюринга как эклектика и метафизика, материалиста-механиста, на каждом шагу сбивающегося на позиции идеализма, оставляющего лазейки поповщине. Критикуя философские воззрения Дюринга, так пленившие некоторых руководящих работников германской социал-демократической партии, Энгельс показал, что Дюринг по общему уровню своей философии стоит ниже многих материалистов домарковского периода. Материалист-механист и метафизик «внизу», т. е. по истолкованию и методу познания предметов и явлений природы, идеалист и метафизик «вверху», т. е. по истолкованию и методу познания социальных явлений, Дюринг по уровню своего материализма стоит на последнем месте в ряду таких разносчиков вулгарного материализма второй половины XIX века, как Фохт, Бюхнер, Молешотт.

Подчеркивая, что «Анти-Дюринг» Энгельса представляет собой образец применения марксистского принципа партийности в философии, образец отстаивания диалектического материализма и беспощадной, непримиримой борьбы против «идеалистических причуд» Дюринга, В. И. Ленин пишет:

«Всю борьбу с Дюрингом Энгельс провел целиком под лозунгом последовательного проведения материализма, обвиняя материалиста Дюринга за словесное засорение сути дела, за фразу, за приемы рассуждения, выражающие собой уступку идеализму, переход на позицию идеализма. Либо последовательный до конца материализм, либо ложь и путаница философского идеализма, — вот та постановка вопроса, которая дана в каждом параграфе «Анти-Дюринга»².

Работа Энгельса «Анти-Дюринг» уже в 80—90-х годах XIX ве-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 312. Госполитиздат 1948.

² В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 323.

ка получила широкое распространение в рядах международной социал-демократии, стала настольной книгой каждого подлинно революционного марксиста, сыграла, да и в наши дни продолжает играть большую роль в распространении среди трудящихся единственно научного марксистско-ленинского мировоззрения.

* * *

Книга «Анти-Дюринг» состоит из трёх отделов: философия, политическая экономия, социализм. В первом отделе Энгельс критикует работы Дюринга по вопросам философии. Энгельс разоблачает Дюринга как позитивиста-эклектика, материалиста-метафизика, в истолковании многих принципиальных вопросов впадающего в идеализм.

Дюринг выступил как реакционер в науке и защитник худших сторон осуждённого историей на гибель буржуазного метафизического мировоззрения. Дюринг, которого одно слово «диалектика», говорит Энгельс, приводит в состояние невменяемости, небрезговал никакими приёмами для дискредитации и подрыва материалистической диалектики. Один из этих приёмов Дюринга состоял в том, что научно-материалистическую диалектику Маркса и Энгельса он отождествлял с порочной в своей основе идеалистической диалектикой Гегеля. Будучи сам закоренелым схематиком, Дюринг обвинял Маркса в схематизме.

Энгельс разоблачил этот жульнический приём Дюринга. Энгельс доказал, что материалистическая диалектика в корне противоположна диалектике Гегеля, идеализм и схематизм которой впервые в истории исчерпывающе были вскрыты и разоблачены Марксом.

Энгельс показал, что одна из порочных черт философии Гегеля — схематизм — фактически была заимствована у Гегеля самим Дюрингом и некритически перенесена им в свои сочинения. Более того, она была положена Дюрингом в основу его так называемой «мировой схематики».

«Мировая схематика», по Дюрингу, — это совокупность априорных, т. е. сформулированных до исследования внешнего мира, принципов, основных понятий, являющихся якобы необходимыми предпосылками наук о природе и обществе. К числу этих понятий, составляющих «мировую схематику» Дюринга, относятся понятия: первоначально равного самому себе состояния бытия, изменяющегося бытия (становления), качества как средства различения бытия, однородности бытия (количества) и т. п.

Приступая к изучению природы и общества, человечество, как полагает Дюринг, должно руководствоваться принципами «мировой схематики», в противном случае его усилия не увенчаются успехом. Дюринг выдаёт принципы «мировой схематики» за нечто первичное по отношению к внешнему миру, за окончательные истины в последней инстанции, т. е. выступает в данном случае как идеалист и метафизик.

Энгельс, разоблачая Дюринга, показывает, что его «мировая

схематика» не только представляет собой с начала до конца ложную, искусственную конструкцию, но и прямой плагиат из философской системы третируемого им Гегеля. Различие лишь в том, что Дюринг именует «мировой схематикой» то, что у Гегеля называется логикой.

Сопоставляя «мировую схематику» Дюринга с логикой Гегеля, «мы найдем, — пишет Энгельс, — что логика Гегеля начинается с бытия, — как это делает и г. Дюринг; что бытие раскрывает себя как ничто, — как и у г. Дюринга; что от этого «бытия-ничто» совершается переход к становлению, а результатом становления является наличное бытие (Dasein), т. е. более высокая, более заполненная форма бытия (Sein), — совсем как у г. Дюринга. Наличное бытие приводит к качеству, качество — к количеству, — опять-таки совсем как у г. Дюринга»¹.

Таким образом, принципы «мировой схематики», лежащие в основе философии Дюринга, являются простой перефразировкой худших сторон гегелевской системы, где, как известно, в корне извращены и поставлены на голову все действительные процессы объективного мира и мышления.

Идеализм Дюринга отчётливо выступает и в истолковании им математики, когда он утверждает, что понятия числа, фигуры и др. являются продуктом свободного творчества разума, выводятся независимо от внешнего мира, непосредственно из головы.

Энгельс, критикуя Дюринга, показывает, что все понятия математики отнюдь не априорного происхождения, а созданы в результате практической деятельности человека, т. е. выведены из объективного мира. «Понятия числа и фигуры взяты не откуда-нибудь, а только из действительного мира... Как и все другие науки, математика возникла из практических нужд людей: из измерения площадей земельных участков и вместимости сосудов, из счисления времени и из механики... Представления о линиях, поверхностях, углах, многоугольниках, кубах, шарах и т. д. — все они отвлечены от действительности...»².

Энгельс вскрывает отступление Дюринга от материализма и в решении им вопроса о единстве мира. Единство мира, утверждал Дюринг, состоит в его бытии, т. е. в существовании.

Энгельс показывает, что ограничиваться понятием бытия, т. е. существования мира, при доказательстве его единства неправильно. «Когда мы говорим о бытии и только о бытии, то единство может заключаться лишь в том, что все предметы, о которых идет речь, суть, существуют»³. Здесь, говорит Энгельс, всем вещам приписывается равномерно одно лишь свойство — существование. Но каковы эти вещи и явления, — на этот вопрос ответы могут быть различные. Гегель, признавая единство мира в его существовании, утверждал, что этот единый существующий мир представ-

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 43 Госполитиздат. 1950.

² Там же, стр. 37—38.

³ Там же, стр. 41.

ляет собой различные модификации единой идеи, мирового разума. Единство мира, по Гегелю, состоит в изначально существующей идее, а все вещи и явления по своей сущности духовны и являются модификацией единой идеи. Открытые мистики также не будут возражать против выведения Дюрингом единства мира из его существования; они только скажут, что это единство состоит в боге.

Таким образом, утверждая, что единство мира состоит в его бытии, т. е. в существовании, Дюринг оказывается в конечном счёте на позициях, которые вполне приемлемы для идеализма и откровенной поповщины.

Энгельс, раскрывая идеализм Дюринга, даёт марксистское решение вопроса о единстве мира.

«Действительное единство мира, — говорит он, — состоит в его материальности, а эта последняя доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания»¹.

История общественно-исторической практики человечества, история развития философии и естественных наук дала исчерпывающий материал, окончательно подтвердивший положение марксизма о том, что единство мира состоит в его материальности. Все существующие предметы и явления представляют собой различные формы проявления качеств и свойств единой, вечно существующей и изменяющейся материи. Все явления духовного порядка, явления, связанные с психикой и мышлением, представляют собой лишь функцию таких форм высокоорганизованной материи, как нервная система и мозг человека.

Энгельс разоблачает Дюринга как метафизика на примере отрицания им противоречий в объективном мире. Дюринг, как это вообще типично для метафизиков-механистов, признаёт в объективном мире лишь антагонизм действующих друг против друга внешних противоположных сил. Дюринг заявляет, что «в вещах нет никаких противоречий или, иными словами, признание противоречия реальностью само является верхом бессмыслицы... Антагонизм сил, действующих друг против друга в противоположных направлениях, составляет даже, — утверждает он, — основную форму всякой деятельности в бытии мира и его существ»². Всю болтовню Дюринга по этому важнейшему вопросу, говорит Энгельс, «можно свести к положению, что противоречие = бессмыслице, и поэтому ему нет места в действительном мире»³.

Энгельс, опровергая Дюринга, доказывает, что противоречие является всеобщим и представляет собой закон развития как объективного мира, так и человеческого мышления. Конечно, говорит Энгельс, если рассматривать предметы и явления объективного мира метафизически, в неподвижном состоянии, как изолированные

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 42.

² Там же, стр. 112.

³ Там же, стр. 113.

друг от друга, то свойственное им противоречие может быть и не замечено, однако действительное состояние предметов и явлений внешнего мира — это состояние их непрерывного движения и изменения. Движение как изменение всех предметов и явлений мира абсолютно, покой же их относителен. Нет ни одной частицы материи, которая не находилась бы в состоянии движения, изменения, но «движение, — пишет Энгельс, — само есть противоречие; уже простое механическое перемещение может осуществиться лишь в силу того, что тело в один и тот же момент времени находится в данном месте и одновременно — в другом, что оно находится в одном и том же месте и не находится в нем. Постоянное возникновение и одновременное разрешение этого противоречия -- и есть именно движение»¹. Но «если, — говорит далее Энгельс, — уже простое механическое перемещение содержит в себе противоречие; то тем более содержат его высшие формы движения материи, а в особенности органическая жизнь и ее развитие... жизнь, прежде всего, состоит в том именно, что живое существо в каждый данный момент является тем же самым и все-таки иным. Следовательно, жизнь есть также существующее в самих вещах и процессах, беспрестанно само себя порождающее и разрешающее себя противоречие, и как только это противоречие прекращается, прекращается и жизнь, наступает смерть»².

Противоречия присущи не только объективному миру, но и человеческому мышлению. Дюринг же, отрицая всеобщий характер противоречий и подменяя важнейший закон диалектики — закон единства и борьбы противоположностей — механистическим «законом» антагонизма сил, действующих в противоположном направлении, фальсифицировал или отрицал также и другие основные законы материалистической диалектики: всеобщую связь и взаимобусловленность явлений в природе и обществе, движение и развитие в природе и обществе, развитие как переход количественных изменений в коренные качественные.

Опровергая Дюринга, Энгельс подробно останавливается на характеристике закона перехода постепенных количественных изменений в коренные качественные, показывает, что этот закон является не вымыслом и не априорной схемой, как пытался изобразить его Дюринг, а одним из общих законов развития природы, общества и мышления.

Раскрывая содержание перехода количества в качество, Энгельс приводит ряд примеров, иллюстрирующих специфические формы его проявления в природе, обществе и мышлении. Энгельс показывает, что каждое новое качество предмета появляется в результате скачка, т. е. перерыва непрерывного. Новое качество любого предмета и явления всегда отделено скачком от старого, на смену которому оно приходит. Каждый предмет и явление обладают

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 113.

² Там же, стр. 114.

всегда одновременно внутренней определённой — качеством, отличающим их от других предметов и явлений, и внешней определённой — количеством, величиной, временем существования и т. п. Каждый предмет и явление обладают всегда специфическим, только им свойственным, единством качества и количества, т. е. мерой. Тот или иной предмет может постепенно количественно изменяться, не переставая быть самим собой, т. е. данным качеством, но как только количественное изменение доходит до определённой критической точки, когда количественное изменение не может уже дальше продолжаться в пределах старой меры, в этот момент происходит скачок, в результате которого старое качество сменяется новым, дающим возможность дальнейшего постепенного количественного изменения предмета или явления.

Например, «при всей постепенности, — пишет Энгельс, — переход от одной формы движения к другой всегда остается скачком, решающим поворотом. Таков переход от механики небесных тел к механике небольших масс на отдельных небесных телах; таков же переход от механики масс к механике молекул, которая охватывает движения, составляющие предмет исследования физики в собственном смысле слова: теплоту, свет, электричество, магнетизм. Точно так же и переход от физики молекул к физике атомов — к химии — совершается опять-таки посредством решительного скачка; в еще большей степени это имеет место при переходе от обыкновенного химического действия к химизму белков, который мы называем жизнью»¹.

Энгельс иллюстрирует всеобщий характер действия этого закона примерами из области химии, показывая, как в результате количественного прибавления или убавления химических элементов образуются качественно различные соединения, приводит примеры из истории военного дела и других областей человеческой практики.

Закон перехода количества в качество является общим законом развития природы, общества и мышления. Всюду можно наблюдать, как «количественное изменение преобразует качество вещей и, равным образом, качественное преобразование вещей изменяет их количество, где, следовательно, упогребляя столь ненавистное для г. Дюринга выражение, количество переходит в качество, и обратно»².

Энгельс критикует Дюринга также и за его утверждение, что будто бы Маркс пользуется гегелевской формулой «отрицание отрицания» для доказательства исторической необходимости социальных революций, смены форм собственности и т. п. Разоблачая Дюринга, Энгельс показал, во-первых, что Маркс всегда делает свои выводы на основании исследования фактических данных действительного исторического процесса, на основании раскрытия законов движения самих предметов и явлений объективного мира и, во-вторых, что материалистически понимаемое «отрицание отрицания» —

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 63.

² Там же, стр. 119.

это выражение единства непрерывности и прерывности, выражение восходящего развития природы, общества и мышления.

Применительно к обществу Энгельс показывает этот процесс на материале истории смены форм собственности на землю и другие средства производства. Все народы начинают своё развитие с общинной собственности на орудия и средства производства. Затем в результате развития производительных сил на смену общинной собственности приходит частная собственность (частная собственность отрицает общинную), но частная собственность в её капиталистической форме становится при капитализме оковами развития производительных сил. В результате социалистической революции на смену капиталистической собственности приходит общественная собственность (общественная социалистическая собственность отрицает частную капиталистическую собственность), происходит «отрицание отрицания».

Энгельс ссылается также на историю развития философии. Первоначальный материализм был стихийным материализмом. В условиях слабого развития естествознания в рабовладельческом обществе он оказался бессильным исчерпывающе выяснить вопрос об отношении мышления к материи. Этим затруднением воспользовались реакционные философы, враждебные материализму, направив решение вопроса по ложному пути, который привёл в конечном счёте к отрыву мышления от материи, к возведению мышления в некое самостоятельное первичное начало, к отрицанию стихийного материализма идеализмом. «Но при дальнейшем развитии философии идеализм тоже оказался несостоятельным и подвергся отрицанию со стороны современного материализма. Последний — отрицание отрицания — представляет собой не простое воскрешение старого материализма, а к прочным основам последнего присоединяет еще все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания, как и самой этой двухтысячелетней истории. Это вообще уже больше не философия, а просто мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках»¹. Возникновение диалектического материализма было качественным скачком, революцией в философии, означало конец развития всей прежней философии. Диалектический материализм является научным мировоззрением пролетариата, качественно новой и высшей ступенью в развитии материализма.

Материалистическая диалектика Энгельсом характеризуется как наука об общих законах развития природы, общества и мышления, как единственно научный метод исследования и революционного изменения мира.

Материалистическая диалектика опирается в своём развитии на данные конкретных наук. Тесная органическая связь материалистической диалектики с конкретными науками обусловлена, кро-

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 130.

ме всего прочего, ещё и тем, что общие законы развития мира, исследуемые ею, проявляются в различных областях объективного мира по-разному: в неорганической природе формы проявления этих законов иные, чем в органической, в природе — иные, чем в обществе, в физике — иные, чем в биологии, и т. д. Для каждой области предметов и явлений мира характерен свой особый вид действия и форм проявления этих законов. Умению конкретно, со знанием дела применять материалистическую диалектику к этим специфическим формам проявления общих законов, раскрывать их «приходится учиться,— говорит Энгельс,— как и всему прочему. С одним знанием того, что ячменный колос и исчисление бесконечно-малых охватываются понятием «отрицание отрицания», я не смогу ни успешно выращивать ячмень, ни дифференцировать и интегрировать, точно так же, как знание одних только законов зависимости тонов от размеров струн не дает еще мне умения играть на скрипке»¹.

Открытие Марксом и Энгельсом диалектических законов развития природы, общества и мышления явилось в то же время началом сознательного применения этих законов человеком в процессе изучения и изменения им природы и общества. Материалистическая диалектика как наука с момента создания её Марксом и Энгельсом стала в руках пролетариата могущественным оружием революционной борьбы.

Материалистическая диалектика — развивающаяся наука. После смерти Энгельса она получила дальнейшее развитие в трудах Ленина и Сталина. Ленин и Сталин в результате анализа и обобщения новых закономерностей общественного развития эпохи империализма и пролетарской революции, эпохи строительства социалистического общества в СССР, а также в результате анализа и обобщения новых открытий в естествознании двинули дальше развитие материалистической диалектики, дали более глубокое раскрытие содержания её основных черт.

Товарищ Сталин в работе «О диалектическом и историческом материализме», являющейся новым, высшим этапом развития марксистской философии, дал исчерпывающее и законченное определение четырёх основных черт марксистского диалектического метода: всеобщей связи и взаимообусловленности всех явлений в природе и обществе, движения и развития в природе и обществе, развития как перехода количественных изменений в коренные качественные и развития как борьбы противоположностей.

Что же касается употреблённой Марксом формулы «отрицание отрицания», то о ней ещё в 90-х годах прошлого века В. И. Ленин, критикуя русских либеральных народников, выступивших вслед за Дюрингом со своими клеветническими измышлениями, направленными против марксизма, писал:

«Энгельс говорит, что Маркс никогда и не помышлял о том,

---

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 133—134.

чтобы «доказывать» что бы то ни было гегелевскими триадами, что Маркс только изучал и исследовал действительный процесс, что он единственным критерием теории признавал верность ее с действительностью. Если же, дескать, при этом иногда оказывалось, что развитие какого-нибудь общественного явления подпадало под гегелевскую схему: положение — отрицание — отрицание отрицания, то ничего тут нет удивительного, потому что в природе это вообще не редкость... Для всякого очевидно, что центр тяжести аргументации Энгельса лежит в том, что задача материалистов — правильно и точно изобразить действительный исторический процесс, что настаивание на диалектике, подбор примеров, доказывающих верность триады, — не что иное, как остатки того гегельянства, из которого вырос научный социализм, остатки его способа выражений»¹.

Энгельс обнажает безысходную путаницу Дюринга в вопросе о материи и движении в связи с его теорией мировой среды как первоначального, самому себе равного состояния материи. Указывая на то, что механическая сила не может существовать вне материи, что она есть некоторое состояние материи, Дюринг, однако, оказывается бессильным членораздельно ответить на естественный вопрос о том, «где была механическая сила во время этого состояния (когда материя находилась в состоянии абсолютного покоя. — А. М.) и как нам без толчка извне, т. е. без бога, перейти от абсолютной неподвижности к движению»². Энгельс отмечает, что поскольку Дюринг сводит движение к механической силе, как к его якобы основной и единственной форме, он «лишает себя возможности понять действительную связь между материей и движением»³.

Энгельс в связи с этим излагает марксистский взгляд на единство материи и движения. Он показывает, что «д в и ж е н и е есть ф о р м а б ы т и я м а т е р и и. Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения. Движение в мировом пространстве, механическое движение менее значительных масс на отдельных небесных телах, колебание молекул в качестве теплоты или в качестве электрического или магнитного тока, химическое разложение и соединение, органическая жизнь, — вот те формы движения, в которых — в одной или в нескольких сразу — находится каждый отдельный атом вещества в мире в каждый данный момент. Всякий покой, всякое равновесие только относительны, они имеют смысл только по отношению к той или другой определенной форме движения»⁴.

Движение материи абсолютно, покой — относителен. Материи не может быть без движения, как не может быть и движения без материи. Количество материи и движения в мире неизменно, как

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 146—147.

² Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 56.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 56—57.

это установил ещё в конце первой половины XVIII века великий гений русского народа М. В. Ломоносов, открывший фундаментальный закон природы, закон сохранения вещества и движения. Согласно этому закону, движение материи не создаётся и не уничтожается, не увеличивается и не уменьшается, оно лишь переносится с одних тел на другие. Развитие материи, как позднее было доказано, представляет собой процесс превращения низших форм движения в другие, высшие формы движения материи.

Энгельс показывает, что попытки Дюринга представить материю как первоначально неподвижную, неизменяющуюся ведут его лишь к путанице, к отступлениям от материализма, к уступкам идеализму.

Дюринг, зная только механическое движение, фактически превращает относительный покой, относительное механическое равновесие, в которых находятся отдельные тела и частицы материи, в абсолютный покой, в абсолютное равновесие и переносит последнее на вселенную в целом.

Энгельс вскрывает кричащие противоречия, в которых путается Дюринг в связи со своим утверждением, что время имеет начало и что мир первоначально находился в неизменном, самому себе равном состоянии. Если мир первоначально находился в состоянии покоя, если он был абсолютно лишён каких бы то ни было изменений, то как он выходит из этого состояния абсолютной неизменности и неподвижности? Ответить на этот вопрос Дюринг оказывается бессильным и, как всякий метафизик и механист, он должен искать причины перехода мира из вымышленного им состояния абсолютного покоя в состояние движения только за счёт какой-либо вне мира лежащей силы.

Перед Дюрингом были два возможных пути выхода из тупика, в который его завела метафизика, а именно: или отбросить своё «открытие» первоначального, самому себе равного состояния мира — это был бы лучший исход — или признать потустороннюю, нематериальную силу как причину перехода мира из состояния статики в состояние движения. Последнее означает прямое смыкание с поповщиной, полный отказ от научного объяснения мира. В этом направлении и катился Дюринг, запутавшийся в расставленных им самим метафизических сетях, так как «то, что абсолютно лишено изменений, если оно еще вдобавок от века пребывает в таком состоянии, не может ни в каком случае само собой выйти из этого состояния, перейти в состояние движения и изменения. Стало быть, первый толчок, который привел мир в движение, должен был прийти извне, из потустороннего мира. Но «первый толчок» есть, как известно, только другое выражение для обозначения бога»¹.

Энгельс разоблачает также метафизический характер «решения» Дюрингом вопроса о пространстве и времени, о конечности

---

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 50—51.

и бесконечности мира. Дюринг отрицал бесконечность мира во времени и безграничность его в пространстве на том основании, что такое утверждение содержит в себе противоречие. Дюринг вопреки данным науки и практики заявлял, что в действительности мир конечен во времени и ограничен в пространстве. Дюринг утверждал, что истинной бесконечностью является бесконечность, которая мыслима без противоречий. Такой бесконечностью является, по его мнению, бесконечность последовательного, неограниченного накопления чисел в числовом ряде, имеющем одно направление, идущая назад бесконечность Дюрингом исключается; «второе направление бесконечности,— заявлял Дюринг,— оказывается бессмысленным»¹.

Из этого метафизического понятия бесконечности Дюринг делал вывод о существовании начала мира. Мир, по мнению Дюринга, имеет начало во времени, т. е. он утверждал, «что было такое время, когда еще не было никакого времени, хотя уже существовал мир»².

Равное самому себе состояние материи, т. е. состояние абсолютного покоя, по Дюрингу, может без противоречия мыслиться существующим от века и рассматриваться как начало мира.

Критикуя Дюринга, Энгельс показывает, что пространство и время являются основными формами бытия материи. Материя бесконечна во времени и безгранична в пространстве, поэтому попытка Дюринга выразить время бесконечным рядом, начинающимся с единицы, исходит из ложного представления о том, что время имеет начало. Порочность этого представления становится особенно наглядной, когда Дюринг пытается применить его к пространству. Бесконечность пространства тем более не может быть выражена бесконечным рядом или линией, проведенной из определённой точки в одном направлении. Чтобы дать представление о трёх измерениях пространства и его безграничности, требуется, говорит Энгельс, не менее шести линий, проводимых из одной точки в три-четыре противоположных направлениях.

Вскрывая метафизичность дюринговской трактовки вопроса о времени и пространстве, Энгельс показывает, что в действительности «вечность во времени, бесконечность в пространстве... состоят в том, что они не имеют конца ни в какую сторону,— ни вперед, ни назад, ни вверх, ни вниз, ни вправо, ни влево. Эта бесконечность (трёхмерного пространства.— А. М.) совершенно иная, чем та, которая присуща бесконечному ряду, ибо последний всегда начинается прямо с единицы, с первого члена ряда»³.

Дюринг, как метафизик, утверждает, что время имеет начало, но не имеет конца, но от этой односторонней, метафизически истолковываемой бесконечности фактически ещё очень далеко до понимания подлинной объективной бесконечности, не имеющей ни

¹ Цит. по Ф. Энгельсу. Анти-Дюринг, стр. 45.

² Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 47.

³ Там же.

начала, ни конца. Дюринг не понимал, что «бесконечность, имеющая конец, но не имеющая начала, не более и не менее бесконечна, чем та, которая имеет начало, но не имеет конца. Малейшая диалектическая проницательность должна была бы подсказать г. Дюрингу, что конец и начало необходимо связаны друг с другом, как северный и южный полюсы, и что когда отбрасывают конец, то начало становится концом, тем единственным концом, который имеется у ряда,— и наоборот»¹.

Энгельс, разоблачая эти схоластические упражнения Дюринга, пытавшегося сконструировать понятие бесконечности, исключавшей противоречие, подчёркивает, что «бесконечность есть противоречие, и она полна противоречий. Противоречием является уже то, что бесконечность складывается из одних только конечных величин, а между тем это именно так... Именно поэтому, что бесконечность есть противоречие, она представляет собой бесконечный, без конца разворачивающийся во времени и пространстве процесс. Уничтожение этого противоречия было бы концом бесконечности»².

Энгельс раскрывает также идеализм и метафизичность дюринговского понятия вечных истин.

Дюринг утверждал: «Подлинные истины вообще не изменяемы... так что вообще нелепо представлять себе правильность познания зависящей от времени и реальных перемен»³. Дюринг говорил, что отдельные истины, из которых складывается познание, являются окончательными, неизменными истинами, «истинами в последней инстанции». Все утверждения науки, которые изменяются или заменяются с развитием знаний материального мира другими утверждениями, Дюринг исключил из разряда истин. Как закоренелый метафизик-догматик, Дюринг признавал за истины лишь неизменяющиеся теоретические положения, он превращал науку в догму, сводил её к сумме мёртвых, застывших формул и выводов. Одним словом, Дюринг историческую ограниченность воззрений на истину, типичную для метафизиков прошлых веков, возводит в абсолют. Но если тогда подобный взгляд метафизиков имел некоторое историческое оправдание, то взгляды Дюринга, собравшего воедино все худшие элементы метафизики, в условиях последней четверти XIX века были не чем иным, как буржуазной реакцией на диалектический материализм.

Вечные истины признаются марксистами. Вечными, точнее абсолютными, истинами являются все хронологические истины, истины факта, все утверждения и выводы науки, которые не могут быть опровергнуты в будущем.

К числу вечных истин относятся, например, такие выводы науки: материя вечна во времени и безгранична в пространстве; количество материи и движения в мире неизменно; общественное бытие

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 49.

² Там же.

³ Цит. по Ф. Энгельсу. Анти-Дюринг, стр. 80.

определяет общественное сознание и т. п. Но «если бы человечество,— пишет Энгельс,— пришло когда-либо к тому, чтобы оперировать одними только вечными истинами — результатами мышления, которые имеют суверенное значение и абсолютное право на истину, то оно бы дошло до той точки, где бесконечность интеллектуального мира оказалась бы реально и потенциально исчерпанной, и, таким образом, совершилось бы пресловутое чудо сосчитанной бесчисленности»¹.

Классики марксизма-ленинизма всегда вели непримиримую борьбу против догматизма, подходили к положениям науки исторически, рассматривали их в развитии.

Товарищ Сталин в работе «Марксизм и вопросы языкознания» показывает образец диалектического подхода к науке. Определяя и характеризуя марксизм как науку, товарищ Сталин пишет: «Марксизм, как наука, не может стоять на одном месте,— он развивается и совершенствуется. В своём развитии марксизм не может не обогащаться новым опытом, новыми знаниями,— следовательно, отдельные его формулы и выводы не могут не изменяться с течением времени, не могут не заменяться новыми формулами и выводами, соответствующими новым историческим задачам. Марксизм не признаёт неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма»².

Марксисты как материалисты-диалектики центр внимания сосредоточивают не на вечных истинах, не на окончательных результатах науки, а на добывании новых истин, на соотношении относительной и абсолютной истины в процессе познания, на показе бесконечности познания как отражения непрерывно изменяющегося и развивающегося объективного мира.

Дюринг, идеалистически объясняя развитие органического мира, приписывая природе некие внутренние цели, которые природа якобы реализует в своём движении, одновременно выступает против дарвинизма.

Энгельс, отбивая наскоки Дюринга на теорию Дарвина, вскрывая имеющиеся в ней ошибки мальтузианского характера, показывает в то же время её величайшее значение для борьбы против идеализма в биологии. В связи с этим Энгельс высказывает чрезвычайно важное для биологической науки положение о единстве организма и среды, о решающей роли обмена веществ в развитии организмов. «Жизнь есть способ существования белковых тел, и этот способ существования,— говорит Энгельс,— заключается по своему существу в постоянном обновлении их химических составных частей путем питания и выделения.

---

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 82.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 55. Госполитиздат. 1950.

...Из органического обмена веществ как существенной функции белка и из свойственной ему пластичности выводятся затем все прочие, простейшие функции жизни...»¹.

Это утверждение Энгельса получило дальнейшее развитие и конкретное обоснование в работах наших советских учёных Мичурина и Лысенко. Академик Лысенко, развивая учение Мичурина, доказал, что обмен веществ играет решающую роль в развитии организмов: он дал новое определение наследственности, показав, что наследственность есть свойство организмов требовать для своей жизни и развития определённых условий и определённым образом реагировать на те или иные условия. Наследственность — это природа живого тела. Наследственность не локализована в организме в какой-либо одной его части и не неизменна, как это утверждали разгромленные в нашей стране дейсманисты-морганисты; наследственность является существенным свойством как организма в целом, так и каждой его отдельной клетки.

Мичурицы доказали, что с изменением условий жизни изменяются и наследственные свойства растительных и животных организмов; приобретённые организмами новые свойства путём обмена веществ передаются по наследству.

Победа в нашей стране мичуринского направления в биологии — это победа советского творческого дарвинизма.

В СССР, стране победившего социализма, центре развития передовой науки и борьбы против теоретических основ идеологии империалистической буржуазии — идеализма и метафизики, — «дарвинизм не только очищается от недостатков и ошибок, не только поднимается на более высокую ступень, но и в значительной степени, в ряде своих положений, видоизменяется. Из науки, преимущественно о б ъ я с н я ю щ е й прошлую историю органического мира, дарвинизм становится творческим, д е й с т в е н н ы м средством по планомерному овладению, под углом зрения практики, живой природой»².

Исключительно огромна роль физиологического учения И. П. Павлова в борьбе против идеализма и метафизики. Великий физиолог раскрыл материальную основу психической деятельности животных, показал неразрывную закономерную связь изменений и развития организма животного и всех его функций с изменениями внешней материальной среды.

За последнее время советская наука обогатилась также крупнейшим открытием в биологии, сделанным О. Б. Лепешинской. О. Б. Лепешинская экспериментально доказала, что клетки, из которых состоят организмы, возникают не только из клеток, как утверждали на протяжении столетия метафизики-вибрионисты, но и из не имеющего клеточного строения неклеточного живого вещества.

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 322.

² Академик Т. Д. Лысенко. О положении в биологической науке, стр. 42. Сельхозгиз. 1948

Энгельс разоблачает далее Дюринга как метафизика и в трактовке им вопросов морали. Представления о добре и зле, которые Дюринг абсолютно разграничивал и рассматривал как постоянные, неизменные, в действительности являются историческими, они изменялись и изменяются в соответствии с изменениями в общественно-экономических условиях жизни людей.

В капиталистических странах второй половины XIX века Энгельс указывает на существование трёх видов морали: христианско-феодальной, буржуазной и пролетарской. Таким образом, каждый из классов — феодальная аристократия, буржуазия и пролетариат — имеет свою особую мораль, своё особое понятие о нравственном и безнравственном, о добре и зле, о чести и бесчестности. В обществе, состоящем из антагонистических классов, не может быть общенародной, внеклассовой морали. Различное общественное бытие людей, их классовое положение определяют и их сознание, а следовательно, и не фиксируемые в государственном законодательстве их моральные нормы и правила поведения.

Подчёркивая исторический характер морали, Энгельс указывает, что лишь «та мораль обладает наибольшим количеством элементов, обещающих ей долговечное существование, которая в настоящем выступает за низвержение современного строя, защищает будущее, следовательно,— мораль пролетарская»¹.

Марксисты не признают никаких неизменных, окончательных нравственных норм, никакой общечеловеческой морали, пока общество расколото на антагонистические классы. В классовых социально-экономических формациях мораль всегда была и остаётся классовой моралью. «...Она,— пишет Энгельс,— или оправдывала господство и интересы господствующего класса, или же, когда угнетенный класс становился достаточно сильным, выражала его возмущение против этого господства и представляла интересы будущности угнетенных... Мораль истинно человеческая, стоящая выше классовых противоречий и всяких воспоминаний о них, станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда не только будет уничтожена противоположность классов, но изгладится и след ее в практической жизни»².

В настоящее время у нас, в СССР, в результате победы социализма впервые в истории человеческого общества установилось морально-политическое единство народа, восторжествовала и стала безраздельно господствующей всенародная социалистическая мораль. Эта мораль — единая социалистическая мораль единого советского народа — по своей сущности мораль пролетарская, которая в дальнейшем, с окончательной победой коммунистического общественного строя, превратится в общечеловеческую мораль.

Социалистическая мораль советского народа в настоящее время

---

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 88.

² Там же, стр. 89.

является могучим средством борьбы как против пережитков капитализма в сознании трудящихся нашей страны, так и в особенности против растленной морали империалистической буржуазии.

* * *

Дюринг извращал процесс общественного развития, он подменял действительные причины возникновения общественных классов и государства вымышленными причинами. Дюринг утверждает, что общество раскололось на классы в результате насилия одной части общественного коллектива над другой его частью. Дюринг расценивает акт насилия как решающую, определяющую причину раскола общества на классы и, следовательно, порабощения человека человеком. Часть общества, применившая насилие, становится господствующим классом, а часть порабощённая выступает в дальнейшем как эксплуатируемый, угнетённый класс. По Дюрингу, насилие как политический акт является решающим фактором образования экономических форм общества. Насилие, по его мнению, создало рабство и т. п.

Дюринг выступил против открытого Марксом материалистического понимания истории. Он заявлял, что некоторые из новейших социалистов «утверждают, что формы политического подчинения как бы вырастают из экономического состояния», а это — неверно, так как экономический строй общества, экономическое подчинение вырастают из политического подчинения, из первоначально возникших политических учреждений. «Форма политических отношений,— писал он,— есть исторически фундаментальное, хозяйственные же зависимости представляют собой только действие или частный случай, а потому всегда являются фактами второго порядка»¹. «...Политический строй,— утверждал Дюринг,— является решающей причиной хозяйственного положения...»².

Общественно-политические надстройки, вырастающие из экономического базиса общества, Дюринг выдаёт за основание, за первичное, а основание, первичное — экономический базис общества,— характеризует как нечто вторичное, производное от политических надстроек. Ставя действительный процесс общественного развития на голову, превращая первичное во вторичное, следствие — в основание, не приводя сколько-нибудь веских аргументов в подтверждение этой своей искусственной, идеалистической концепции, Дюринг, однако, выдаёт её за непреложную истину, за «истину в последней инстанции». Разоблачая порочность дюринговского варианта «теории насилия», Энгельс показывает, что эта «теория», уходя своими корнями в глубь веков, нанесла уже большой вред исторической науке своим утверждением, что решающая роль в общественном развитии принадлежит политическим учреж-

¹ Цит. по Ф. Энгельсу. Анти-Дюринг, стр. 148.

² Там же.

дениям и политическим деятелям. «Это представление, — пишет Энгельс, — было главной причиной того, что у нас сохранилось так мало сведений о развитии народов, которое происходит в тиши, на заднем плане этих шумных выступлений, между тем как оно действительно является движущей силой»¹.

Дюринг, говоря об определяющей роли насилия в истории общества, фактически выступил как предшественник фашизма, как реакционер в науке, тянувший её назад даже по сравнению с буржуазными французскими историками эпохи реставрации, которые ещё в первой трети XIX века поколебали представление о решающей роли политических учреждений в истории общества.

Критикуя «теорию насилия» Дюринга, Энгельс показывает, во-первых, что она не оригинальна, а является столь же древней, как и сама историография; во-вторых, что эта «теория» является реакционной и по своему содержанию идеалистической, так как фактор насилия, политического действия, являющийся производным от экономического состояния, в этой «теории» преподносится как первичный, следствие выдаётся за причину; в-третьих, что эта «теория» является метафизической, так как насилие в ней рассматривается вне связи с конкретными историческими этапами общественного развития, берётся абстрактно, как всегда себе равный, имеющий постоянное значение акт. Энгельс подчёркивает, что эта «теория» лишена всякой доказательности. Дюринг не доказывает её, а просто декларирует, так как, согласно его воззрению, пишет Энгельс, этот вопрос «уже решен знаменитым грехопадением Робинзона, который поработил Пятницу. Это был акт насилия, стало быть — акт политический»². Это порабощение, по Дюрингу, в дальнейшем превратилось «в более косвенные формы экономической зависимости». На этом первом акте порабощения покоится также вся господствующая до сих пор «насильственная собственность». Отсюда-де ясно, по мнению Дюринга, что «все экономические явления подлежат объяснению политическими причинами, а именно — насилием»³.

Критикуя Дюринга за его утверждение, будто решающей причиной эксплуатации человека человеком является акт насилия, Энгельс на данных фактической истории показывает, что действительные причины раскола общества на классы коренятся в развитии способа производства материальных благ, в развитии экономики общества. Первым разделением общества на классы было разделение его на рабов и свободных, но ведь «не всякому раб приносит пользу. Чтобы быть в состоянии извлечь из него пользу, нужно располагать вещами двоякого рода: во-первых, орудиями и предметами труда и, во-вторых, средствами для скудного пропитания раба. Следовательно, прежде чем рабство становится воз-

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 149.

² Там же, стр. 148.

³ Там же, стр. 149.

можным, должна быть уже достигнута известная ступень в развитии производства и известная ступень неравенства в распределении»¹.

При первобытно-общинном родовом строе производительные силы были слабо развиты, производительность труда была низкой, прибавочный продукт почти отсутствовал, отношения между людьми были отношениями сотрудничества и взаимной помощи, общество было бесклассовым, безгосударственным. Процесс разделения общества на имущих и неимущих, на противоположные, антагонистические классы, на рабов и рабовладельцев, был результатом экономического развития, экономической дифференциации людей.

Решающими причинами стихийно совершавшегося разделения общества на классы и появления государства были экономические процессы: рост производительности и специализации общественного труда, появление общественного разделения труда и обмена, возникновение частной собственности на средства производства. В условиях, когда частная собственность пришла на смену первобытно-общинной собственности и усилилось экономическое неравенство между людьми, общество раскололось на антагонистические классы — на эксплуататоров и эксплуатируемых. В результате раскола общества на классы возникло государство как орган насилия в руках господствующего класса, как орган подавления эксплуататорским меньшинством эксплуатируемого большинства. Возникли и развились политические отношения между людьми, принадлежащими к противоположным общественным классам. Несомненно, что акты насилия сопровождали процесс экономической и политической дифференциации общества, но они не играли и не могли играть определяющей роли в этом процессе.

«Вообще,— пишет Энгельс,— возникновение частной собственности в истории ни в каком случае не является результатом грабежа и насилия... Частная собственность образуется повсюду в результате изменившихся отношений производства и обмена, в интересах повышения производства и развития сношений, следовательно, по экономическим причинам. Насилие не играет при этом никакой роли. Ведь ясно, что институт частной собственности должен уже существовать, прежде чем грабитель может присвоить себе чужое добро, что, следовательно, насилие, хотя и может сменить владельца имущества, но не может создать частную собственность как таковую»².

Развитие производительных сил и появление обмена привели к замене прежней совместной обработки земли обработкой её отдельными семьями, а затем и к переходу земли в частную собственность отдельных семей. Человек стал производить значительно больше материальных благ, чем это необходимо было для поддержания его собственного существования. Возникли, таким образом,

---

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 150.

² Там же, стр. 151, 152.

необходимые материальные и социальные условия для эксплуатации человека человеком, для использования в целях эксплуатации рабочей силы, привлечённой извне.

«...Сама община и союз, к которому принадлежала эта община,— пишет Энгельс,— еще не выделяли из своей среды свободных, излишних рабочих сил. Зато их доставляла война, а война так же стара, как и одновременное существование по соседству нескольких общинных групп. До того времени не знали, что делать с военнопленными, и потому их попросту убивали, а еще раньше съедали. Но на достигнутой теперь ступени «хозяйственного положения» военнопленные приобрели известную стоимость; их начали поэтому оставлять в живых и стали пользоваться их трудом. Таким образом, насилие, вместо того чтобы господствовать над хозяйственным положением, было вынуждено, наоборот, служить ему. Рабство было открыто. Оно скоро сделалось господствующей формой производства у всех народов, которые в своем развитии пошли дальше древней общины»¹. Военнопленные стали ядром эксплуатируемого класса рабов.

Раскрывая двойкий путь возникновения классов, Энгельс показывает также, что ещё в условиях доклассового, первобытно-общинного строя коллектив каждой общины для охраны общих интересов выдвигал из своей среды определённых лиц, которые, выполняя волю коллектива, ведали такими сторонами деятельности общины, как орошение земли в жарких странах, разрешение возникших между членами общины споров, наказание нарушителей обычаев и интересов общины и т. п. Значение этих функций должностных лиц и органов управления общины в целом неуклонно возрастало по мере роста производительных сил и увеличения плотности населения, по мере группировки общин в более крупные объединения.

«Эти органы, которые в качестве представителей общих интересов целой группы занимают уже по отношению к каждой отдельной общине особое, при известных обстоятельствах даже антагонистическое, положение, становятся вскоре еще более самостоятельными, отчасти благодаря наследственности общественных должностей, которая устанавливается почти сама собой в мире, где все происходит стихийно, отчасти же благодаря растущей необходимости в таких органах при учащающихся конфликтах с другими группами»².

В условиях усиливавшегося экономического неравенства и зарождавшейся частной собственности лица, выполнявшие общественные функции, оказывались в привилегированном положении, благоприятствовавшем возрастанию их экономического могущества, постепенно сплывались в особую группу, т. е. из подконтрольных слуг общества превращались в политически господствующую силу, становились ядром возникавшего класса рабовладельцев.

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 169.

² Там же, стр. 168.

Таким образом, экономическое развитие первобытно-общинного строя привело к возникновению классов, к превращению бесклассового общества в первое классовое общество, в рабовладельческое общество.

Одновременно с расколом общества на классы в качестве неизбежного следствия этого раскола возникла политическая надстройка — государство, являющееся орудием насилия в руках господствующего класса.

«Отсюда ясно, какую роль играет в истории насилие по отношению к экономическому развитию. Во-первых, всякая политическая власть основывается первоначально на какой-нибудь экономической, общественной функции и возрастает по мере того, как члены общества вследствие разложения первобытных общин превращаются в частных производителей и, следовательно, еще больше увеличивается отчужденность между ними и носителями общих, общественных функций. Во-вторых, после того как политическая власть стала самостоятельной по отношению к обществу и из его слуги стала его господином, она может действовать в двояком направлении. Либо она действует в духе и направлении закономерного экономического развития. Тогда между ней и этим развитием не возникает никакого конфликта, и экономическое развитие ускоряется. Либо же политическая власть действует наперекор этому развитию, и тогда, за немногими исключениями, она, как правило, падает под давлением экономического развития»¹.

Опровергнув «теорию насилия» Дюринга на большом фактическом материале истории, Энгельс критикует взгляд Дюринга на насилие как на абсолютное зло. Насилие, подчёркивает Энгельс, бесспорно, является злом, когда им пользуются господствующие эксплуататорские классы для подавления эксплуатируемых классов, для борьбы против революционных выступлений народных масс, для ликвидации национальной самостоятельности других народов и их порабощения. Насилие — зло, когда к нему прибегает господствующий класс для сохранения и упрочения отношений эксплуатации человека человеком, для сохранения и упрочения своего классового господства. Насилие в руках империалистической буржуазии в настоящее время играет исключительно реакционную роль. Буржуазия всё чаще и чаще прибегает к насилию, к империалистическим войнам, считая их единственным средством разрешения антагонистических противоречий, раздирающих капиталистическое общество.

Империалистическая буржуазия, в лице германского фашизма пытавшаяся путём насилия повернуть колесо истории вспять, получила от советского народа и его вооружённых сил наглядный урок несостоятельности подобных методов и оказалась разгромленной.

Знамя фашизма подхвачено ныне империалистической буржуазией США, одержимой бредовой идеей мирового господства и стре-

---

¹ Фридрих Энгельс *Анти-Дюринг*, стр. 171.

машейся при помощи войны и применения таких средств современного насилия, как атомная бомба, задержать рост сил лагеря мира, демократии и социализма. Однако закономерный процесс неуклонного сплочения и нарастания сил антиимпериалистического лагеря во главе с СССР является залогом того, что подготавливаемые империалистами очередные авантюры, их стремление при помощи насилия сохранить умирающий буржуазный общественный и политический строй окончатся таким же крахом, какой потерпел немецкий фашизм, и ещё большим приумножением сил антиимпериалистического лагеря, лагеря мира, демократии и социализма.

Энгельс подчёркивает в рассматриваемой книге, что буржуазия в последней трети XIX века оказалась примерно в таком же положении, как дворянство в конце XVIII века. «Она становится не только все более и более социально-излишней, но и прямой социальной помехой, она все более и более отходит от производственной деятельности и — как в свое время дворянство — становится классом, только получающим доходы. И этот переворот в своем собственном положении, как и создание нового класса, пролетариата, буржуазия осуществила без какого-либо насильственного фокуса, чисто экономическим путем. Более того, буржуазия отнюдь не желала такого результата своей собственной деятельности, напротив: результат этот проложил себе путь с непреодолимой силой, против воли буржуазии и вопреки ее намерениям; ее собственные производительные силы переросли ее руководство и как бы с естественной необходимостью гонят все буржуазное общество навстречу — либо гибели, либо перевороту. И если буржуа апеллируют теперь к насилию, чтобы охранить от крушения разваливающееся «хозяйственное положение», то они лишь доказывают этим, что находятся во власти того же заблуждения, что и г. Дюринг, будто «политический строй является решающей причиной хозяйственного положения». Точь в точь как г. Дюринг, они воображают, что при помощи «первичного фактора», «непосредственного политического насилия», они могут переделать эти «факты второго порядка», т. е. хозяйственное положение и его неотвратимое развитие; что они могут, следовательно, выстрелами из крупновских пушек и маузеровских ружей стереть с лица земли экономические результаты паровой машины и всей совокупности приводимых ею в движение современных механизмов, стереть с лица земли результаты мировой торговли и развития современных банков и кредита»¹.

Но насилие, когда к нему вынуждены прибегать колониальные и зависимые народы, борющиеся против империализма, за своё национальное освобождение, когда им пользуется пролетариат в целях свержения капитализма и защиты своих завоеваний, тогда оно играет в высшей степени прогрессивную роль.

Дюринг же отрицал прогрессивную роль революционного насилия. Он замалчивал тот открытый основоположниками научного

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 154—155.

социализма закон, что насилие «является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым, что насилие является тем орудием, посредством которого общественное движение пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы,— обо всем этом ни слова у г. Дюринга. Лишь со вздохами и стонами допускает он возможность того, что для ниспровержения эксплуататорского хозяйства понадобится, может быть, насилие — к сожалению, изволите видеть! Ибо всякое применение насилия деморализует, дескать, того, кто его применяет. И это говорится, несмотря на тот высокий нравственный и идейный подъем, который бывал следствием всякой победоносной революции!.. И это тусклое, дряблое, бессильное поповское мышление смеет предлагать себя самой революционной партии, какую только знает история?»¹.

Не ограничиваясь областью философии, Дюринг выступил также с сочинениями по вопросам политической экономии, в которых изображал свою так называемую «самобытную систему» политической экономии как систему, в которой им якобы установлены, применительно к экономике, абсолютные истины. Пытаясь представить свои работы по вопросам политической экономии как оригинальные, Дюринг в то же время нападал на марксистскую политическую экономию.

Маркс и Энгельс, подвергнув сокрушительной критике эту «самобытную систему» политической экономии Дюринга, показали, что в ней нет ни одной оригинальной мысли. «Самобытная система» политической экономии Дюринга состоит из механического соединения положений, надёрганных из различных экономических учений и пронизанных Дюрингом одной антинаучной мыслью о насилии, как главной, определяющей причине развития общества.

Дюринг вслед за вульгарной политической экономией утверждает, что стоимость товаров определяется заработной платой, г. е. даёт определение, которое изгнано из научной политической экономии ещё со времени появления работ английского буржуазного экономиста XVIII века Давида Рикардо.

В действительности стоимость товаров определяется воплощённым в них абстрактным общественно-необходимым простым человеческим трудом. Политический смысл дюринговского определения стоимости товаров заработной платой состоит в том, чтобы затушить механизм эксплуатации в капиталистическом обществе. Если стоимость товаров определяется заработной платой, то «в таком случае,— говорит Энгельс,— каждый рабочий получает в своей заработной плате стоимость продукта своего труда, и тогда эксплуатация класса наёмных рабочих классом капиталистов есть вещь невозможная»², как невозможно и образование избытка продуктов труда, что вообще является основой всякого общественного прогресса. В действительности же в усло-

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр 172—173.

² Там же, стр 182.

виях капиталистического общества «стоимость определяется не заработной платой, а количеством труда; следовательно, рабочий доставляет классу капиталистов в продукте труда большее количество стоимости, чем получает от класса капиталистов в виде заработной платы, и тогда прибыль на капитал, как и все другие формы присвоения продуктов чужого неоплаченного труда, получает свое объяснение как простая составная часть этой открытой Марксом прибавочной стоимости»¹.

Критикуя Дюринга, Энгельс раскрывает механизм возникновения прибавочной стоимости. Прибавочная стоимость не возникает ни из купли, ни из продажи, ни оттого, что покупатель купил товар ниже его стоимости, ни оттого, что продавец продал его выше стоимости. Она не может возникнуть и в результате обмана одним капиталистом другого, так как это может лишь обогатить одного из них за счёт другого, но не может увеличить общую сумму стоимостей, которой они располагают. «Весь класс капиталистов известной страны в целом не может наживаться за счет самого себя»². Однако на деле оказывается, что «класс капиталистов каждой страны, взятой в целом, беспрерывно обогащается на наших глазах, продавая дороже, чем купил, присваивая себе прибавочную стоимость»³.

Прибавочная стоимость возникает в капиталистическом обществе в процессе производства. Если труд не имеет стоимости, то рабочая сила в условиях капитализма, т. е. когда она является товаром, имеет стоимость. Последняя определяется, «как и стоимость всякого другого товара, рабочим временем, необходимым для производства, а следовательно, и воспроизводства этого специфического предмета торговли», т. е. рабочим временем, которое требуется для производства жизненных средств, необходимых рабочему для поддержания себя в состоянии трудоспособности и для продолжения своего рода»⁴.

Если, например, эти жизненные средства, необходимые рабочему, составляют 6 часов рабочего времени, то капиталист, нанимая рабочего, оплачивает ему полную однодневную стоимость его рабочей силы, сумму денег, выражающую 6 часов труда, однако заставляет его работать 12 часов. Стоимость купленной рабочей силы капиталисту обходится в 6 часов, а стоимостью, доставляемая рабочим капиталисту, равна 12 часам. Эта разность между стоимостью рабочей силы и стоимостью, создаваемой рабочей силой в процессе труда, и составляет прибавочную стоимость, поступающую в руки эксплуататорских классов в форме прибыли, ренты, процента. Так происходит превращение денег в капитал.

Прибавочная стоимость создаётся в процессе производства и распределяется в процессе обращения, она является следствием

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 183.

² Цит. по Ф. Энгельсу. Анти-Дюринг, стр. 191.

³ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 191.

⁴ Там же, стр. 192

эксплуатации рабочего класса, результатом различия между стоимостью рабочей силы и стоимостью, создаваемой рабочими в процессе труда.

Энгельс разоблачает Дюринга как вулгарного экономиста, который, например, такие органически присущие капитализму явления, как экономические кризисы перепроизводства, выдавал за случайные отклонения от «нормального» состояния. Не понимая законов развития капитализма, Дюринг объяснял кризисы не новыми, свойственными только капиталистическому обществу явлениями перепроизводства, а старым, характерным для всех основанных на эксплуатации человека человеком классовых обществ фактом недопотребления масс.

Критикуя Дюринга по этому вопросу, показывая неправильность, антиисторизм подобной трактовки, Энгельс подчёркивает, что «недопотребление масс есть необходимое условие всех основанных на эксплуатации форм общества, а следовательно, и капиталистической; но только капиталистическая форма производства доводит дело до кризисов. Недопотребление масс является, следовательно, одной из предпосылок кризисов и играет в них давно признанную роль; но это столь же мало говорит нам о причинах существующих ныне кризисов, как и о том, почему их не было раньше»¹.

Кризисы — неотъемлемая составная часть процесса развития капиталистического общества, показатель его исторической ограниченности и неизбежной гибели. Характеризуя промышленные кризисы как случайные явления, Дюринг, выдавая себя за социалиста, фактически выступал как апологет буржуазного общества.

Дюринговская политическая экономия порочна от начала до конца; если в ней и встречаются изредка правильные положения, то они, как это показал Энгельс, представляют, как правило, лишь плагиат из сочинений Маркса. Для объяснения всех экономических явлений у Дюринга, пишет Энгельс, «имеется только одно единственное объясняющее слово: насилие, еще и еще раз насилие, и «более сильный гнев» превращается у г. Дюринга только в гнев против этого же насилия. Мы видели, во-первых, что эта ссылка на насилие представляет собой жалкую увертку, перенесение вопроса из экономической области в политическую, которое не в состоянии объяснить ни единого экономического факта; во-вторых, что она оставляет необъясненным возникновение самого насилия — и это весьма благоразумно, так как иначе она вынуждена была бы прийти к заключению, что всякая общественная сила и всякая политическая власть коренится в экономических предпосылках, в исторически данном способе производства и обмена соответствующего общества»².

Подвергнув разносторонней критике дюринговскую «самобьт-

---

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 271.

² Там же, стр. 204.

ную систему» политической экономии, Энгельс дал в «Анти-Дюринге» изложение всех важнейших положений марксистской политической экономии, особо выделив при этом величайшее историческое значение её сердцевины — теории прибавочной стоимости. Открыв прибавочную стоимость, «Маркс обнажил механизм современного капиталистического способа производства и основанного на нем способа присвоения, открыл то кристаллизационное ядро, вокруг которого сложился весь современный общественный строй»¹.

От открытия прибавочной стоимости, говорит Энгельс, берёт своё начало научный социализм. Решение вопроса о прибавочной стоимости «является центральным пунктом научного социализма»².

Создав теорию прибавочной стоимости, Маркс совершил революцию в политической экономии.

Марксистская политическая экономия, созданная в своей основе Марксом и Энгельсом, развитая Лениным и Сталиным, является наукой о законах производства и распределения материальных благ, наукой об общественно-производственных, т. е. экономических, отношениях людей в первобытно-общинном, рабовладельческом, феодальном, капиталистическом и коммунистическом обществах.

* * *

В третьем отделе работы Энгельс раскрывает содержание и обосновывает всемирно-историческое значение марксистской теории научного социализма, разоблачает лжесоциализм Дюринга. Дюринг выступил с проповедью специфически прусского «социализма» как коренящейся «в универсальном принципе справедливости» естественной системы общества. Путь, намечавшийся Дюрингом для реализации этого принципа, — это путь затушёвывания классовой борьбы, путь, не затрагивающий основ капитализма, путь реформ. Не случайно поэтому оппортунистические элементы социал-демократической партии Германии немедленно ухватились за дюрингианство и пытались использовать его как знамя в своей борьбе против революционного марксизма.

Энгельс вскрывает вопиющие противоречия во взглядах Дюринга на проектируемое им якобы социалистическое общество. Будущая «естественная система общества», по Дюрингу, должна состояться из федерации хозяйственных коммун — собственников земли и производственных предприятий; в ней навечно сохраняются: государство, старое, типичное для классового общества разделение труда, а также антагонизм между городом и деревней.

Не понимая органической зависимости способа распределения от способа производства, Дюринг полагает, что распределение «определяется не производством, а актом воли». Дюринга, например, вполне устраивает капиталистический способ производства,

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 193.

² Там же, стр. 191.

но ему не нравится капиталистический способ распределения, поэтому он хочет в своём «социалитете» сохранить основы первого и устранить второй. «Дюринговская политическая экономия,— указывает Энгельс,— сводится к положению: капиталистический способ производства вполне хорош и может быть сохранен, но капиталистический способ распределения — от лукавого, и он должен исчезнуть»¹.

Не зная сущности капитализма и законов общественного развития вообще, Дюринг конструировал своё «социалистическое» общество, исходя из условий отсталой в технико-экономическом отношении мелкобуржуазной немецкой действительности, отражённой в прусском земском праве, из «принципа вечной справедливости» и т. п., выдавая при этом свои реакционные, идеалистические проекты за абсолютные истины.

Разоблачая дюринговскую утопию, Энгельс одновременно излагает теорию научного социализма, даёт развёрнутую критику буржуазного общества, показывая его как исторически последнюю, основанную на эксплуатации человека человеком, общественную формацию.

Буржуазное общество с первой трети XIX столетия стало всё полнее и сильнее обнаруживать своё основное противоречие — противоречие между общественным характером процесса производства и частнокапиталистическим способом присвоения. Экономические кризисы перепроизводства, рост промышленной резервной армии, прогрессирующее обнищание рабочего класса, обострение классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией — всё это показывает историческую ограниченность капиталистического общества, узость буржуазных производственных отношений, начавших сковывать развивающиеся в их недрах новые производительные силы. Производительные силы капиталистического общества всё более и более приходят в состояние конфликта с буржуазными производственными отношениями. Особенно ярко это проявляется в периодически повторяющихся кризисах перепроизводства, когда, как указывает в своей работе Энгельс, «экономическая коллизия достигает своей высшей точки: способ производства восстает против способа обмена, производительные силы восстают против способа производства, который они переросли... Следовательно, с одной стороны, капиталистический способ производства изобличается в своей собственной неспособности к дальнейшему управлению производительными силами. С другой стороны, сами производительные силы с возрастающей мощью стремятся к уничтожению этого противоречия, к освобождению себя от всего того, что свойственно им в качестве капитала, к фактическому

---

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 282.

признанию их характера как общественных производительных сил.

Это сопротивление мощно возрастающих производительных сил их капиталистическому характеру, эта возрастающая необходимость признания их общественной природы принуждает класс самих капиталистов все чаще и чаще обращаться с ними, насколько это вообще возможно при капиталистических отношениях, как с общественными производительными силами»¹. Это проявляется в создании акционерных обществ, трестов и других монополистических объединений, в переходе некоторых отраслей хозяйства, вначале главным образом железных дорог, в руки совокупного капиталиста — буржуазного государства. Энгельс подчёркивает, что этот переход части производительных сил в руки капиталистических объединений, а также взятие буржуазным государством в свою собственность некоторых отраслей хозяйства несколько не изменяют ни капиталистической природы производительных сил, ни капиталистического характера производственных отношений. Подобные явления свидетельствуют лишь о зрелости производительных сил для перехода их в общественную собственность и об исчерпании капиталистическим строем своего исторического назначения; они показывают, что буржуазия уже неспособна выполнять функции управления, стала ненужной, превратилась в класс-паразит, так как функции управления производством и торговлей выполняются теперь наёмными служащими.

Указывая на переход некоторых отраслей хозяйства в руки капиталистического государства, Энгельс подчёркивает, что «современное государство опять-таки есть лишь организация, которую создаёт себе буржуазное общество для охраны общих, внешних условий капиталистического способа производства от посягательства как рабочих, так и отдельных капиталистов. Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмёт оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наёмными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки. Но на высшей точке происходит переворот. Государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения»².

Энгельс показывает, что разделение общества на классы коренилось в относительно низком уровне развития производительных сил и производительности труда. Совокупная продукция, произво-

---

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 260—261.

² Там же, стр. 262—263.

димая человечеством на высшей ступени первобытно-общинного строя, лишь незначительно превышала его минимально необходимые потребности и требовала для своего производства физического труда почти всего населения. Тогда разделение людей на противоположные классы было необходимым условием общественного прогресса. В силу этой объективной необходимости в процессе разложения первобытно-общинного строя одновременно с огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобождённый от прямого производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т. д. Таким образом, деление общества на классы является следствием закономерного на определённом уровне развития производительных сил процесса разделения труда. «Это, однако, отнюдь не исключало применения насилия, хищничества, хитрости и обмана при образовании классов и не мешало господствующему классу, захватившему власть, упрочивать свое положение за счет трудящихся классов и превращать руководство обществом в усиленную эксплуатацию масс.

Поэтому, если разделение на классы и имело известное историческое оправдание, то оно имело его лишь для известного периода и при известных общественных условиях. Оно обуславливалось недостаточностью производства и будет уничтожено полным развитием современных производительных сил»¹.

В условиях капитализма производительные силы общества достигают такого уровня развития, когда деление людей на классы,— из которых одни лишены собственности на средства производства, заняты исключительно физическим трудом, являются классами эксплуатируемыми, экономически и политически угнетёнными, а другие, составляющие эксплуататорское меньшинство, являются монополистами средств производства, монополистами умственного труда, наук, искусства и государственного управления,— становится не только ненужным, но и вредным, задерживающим общественный прогресс.

Буржуазия, ставшая классом, паразитирующим на теле общества, пытается в эпоху империализма путём войн и других форм насилия удержать своё экономическое и политическое господство ценой массового разрушения производительных сил, уничтожения многочисленных материальных и культурных ценностей.

Указывая на связь существования общественных классов с определённым уровнем экономического развития общества, Энгельс пишет: «...уничтожение общественных классов предполагает достижение той ступени исторического развития, на которой является анахронизмом, выступает как отжившее не только существование того или другого определенного господствующего класса,

---

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 265—266.

но и какого бы то ни было господствующего класса вообще, а следовательно, и самое деление на классы. Следовательно, уничтожение классов предполагает такую высокую ступень развития производства, на которой присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов,— а с ними и политического господства, монополии образования и духовного руководства,— не только становится излишним, но и является препятствием для экономического, политического и умственного развития. Эта ступень теперь достигнута»¹.

Совокупные производительные силы человеческого общества в настоящее время обеспечивают возможность зажиточной и культурной жизни по крайней мере в четыре раза большему числу людей, чем имеется сейчас на земном шаре. Но эта возможность может быть превращена в действительность лишь одним единственным путём, открытым Марксом и Энгельсом и всесторонне обоснованным Лениным и Сталиным,— путём революционного уничтожения капитализма. Другого пути нет. Всякие прожекты оппортунистов, правых социалистов о возможности миновать революционный путь борьбы пролетариата против капитализма, их предательская политика подмены революционного пути реформистским путём лишь отсрочивают гибель капитализма, ведут к неисчислимым жертвам со стороны трудящихся.

В. И. Ленин в 1913 году писал: «Куда ни кинь — на каждом шагу встречаешь задачи, которые человечество вполне в состоянии разрешить немедленно. Мешает капитализм. Он накопил груды богатства — и сделал людей рабами этого богатства. Он разрешил сложнейшие вопросы техники — и застопорил проведение в жизнь технических улучшений из-за нищеты и темноты миллионов населения, из-за тупой скаредности горстки миллионеров.

Цивилизация, свобода и богатство при капитализме вызывают мысль об обожравшемся богаче, который гниет заживо и не дает жить тому, что молодо.

Но молодое растет и возьмет верх, несмотря ни на что»².

Излагая теорию научного социализма, опираясь на уже накопленный к тому времени опыт революционной борьбы пролетариата, Энгельс подвергает уничтожающей критике реформистов — фальшивых социалистов, которые выдавали переход в руки государства некоторых отраслей производства за явление социалистического порядка. Энгельс, зло высмеивая этих «социалистов», писал:

«...В последнее время, с тех пор как Бисмарк бросился на путь огосударствления, появился особого рода фальшивый социализм, выродившийся местами в своеобразный вид добровольного лакейства, объявляющий без околичностей социалистическим в с а к о е, даже бисмарковское, обращение средств производства в государ-

---

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 266.

² В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 349.

ственную собственность. Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма. Когда бельгийское правительство, из самых обыденных политических и финансовых соображений, само взялось за постройку главных железных дорог; когда Бисмарк без малейшей экономической необходимости превратил в государственную собственность главнейшие прусские железнодорожные линии просто ради удобства приспособления и использования их в случае войны, для того чтобы вышколить железнодорожных чиновников и сделать из них послушно вотирующее за правительство стадо, а главным образом для того, чтобы иметь новый, независимый от парламента источник дохода,— то все это ни в коем случае не было шагом к социализму, ни прямым, ни косвенным, ни сознательным, ни бессознательным. Иначе должны были быть признаны социалистическими учреждениями королевское общество морской торговли, королевская фарфоровая мануфактура и даже ротные швальни в армии»¹.

История, как видно, повторяется. Эти слова Энгельса могут быть полностью отнесены к современным лакеям американско-английского империализма — правым социалистам, — в частности к английским лейбористам, которые капиталистическую национализацию мало прибыльных для отдельных предпринимателей отраслей промышленности, например, угольной, национализацию, укрепляющую буржуазное общество и государство, выдают за социалистическое мероприятие. Правые социалисты эту свою предательскую политику, направленную на раздробление сил рабочего класса и ослабление его борьбы против империализма, прикрывают флагом социализма, используя социализм — это святое для пролетариата слово — в качестве прикрытия проводимой ими подрывной работы в угоду англо-американской империалистической буржуазии. Правые социалисты — это агентура империалистической буржуазии; они сеют иллюзии о возможности так называемого третьего пути — о возможности разрешения конфликта между современными производительными силами и буржуазными производственными отношениями, между пролетариатом и буржуазией мирным путём, путём реформы, который, как известно, проповедовали их обанкротившиеся предшественники — германские социал-демократы, — представители разоблачённого Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным фальшивого социализма — оппортунисты Бернштейн, Каутский и им подобные. Разоблачая этот фальшивый социализм оппортунистов, Энгельс доказал, что есть один единственный путь разрешения конфликта между новыми производительными силами и капиталистическими производственными отношениями, между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения — это путь пролетарской социалистической революции, т. е.

---

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 262.

свержения политической власти буржуазии, слома старой государственной машины и установления диктатуры пролетариата.

Конфликт между производительными силами и буржуазными производственными отношениями в рамках капитализма ведёт к усилению классового и национального угнетения народов, к периодическим кризисам перепроизводства, к увеличению армии безработных, к прогрессирующему обнищанию рабочего класса, к использованию научных открытий и изобретений в разрушительных целях, к империалистическим войнам, к гибели десятков миллионов людей. Всё это является показателем того, что производительные силы в условиях современного капитализма, сковывающего их прогресс, превратились в силы разрушительные. Производительные силы требуют для своего дальнейшего развития революционного уничтожения капиталистического способа производства.

Но исторически изживший себя капиталистический общественный строй представляет и охраняет буржуазия — экономически и политически господствующий класс, который не отказывается добровольно от своей собственности и своего политического господства.

В интересах дальнейшего общественного прогресса и спасения мировой цивилизации и культуры политическая власть буржуазии должна быть повсюду свергнута, старая буржуазная государственная машина разрушена и установлена диктатура пролетариата.

Задачами диктатуры пролетариата являются: ликвидация частной собственности на средства производства и установление общественной социалистической собственности, ликвидация эксплуататорских классов и построение коммунистического общества.

Таков великий закон общественного развития, открытый Марксом и Энгельсом и всесторонне разработанный Лениным и Сталиным.

Не признавать этого закона — значит поддерживать шатающееся здание капитализма, играть на руку империалистической буржуазии, дезорганизовывать ряды рабочего класса, ослаблять его наступательный порыв, наносить тем самым ущерб общепролетарскому делу, делу общечеловеческого прогресса.

В рассматриваемой работе Энгельс указывал, что после победы социалистической революции пролетарское государство должно отмереть. Решая этот вопрос, Энгельс исходил из закономерностей монополистического капитализма и теории возможности одновременной победы социализма во всех или в большинстве стран.

Товарищ Сталин, исходя из новой ленинской теории социалистической революции, возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране и обобщая опыт Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР, создал цельное и законченное учение о социалистическом государстве.

Товарищ Сталин доказал необходимость государства и при ком-

мунизме, если коммунизм строится в условиях капиталистического окружения. Товарищ Сталин всесторонне обосновал положение о том, что пока не достигнута окончательная победа коммунизма, т. е. продолжает ещё существовать капиталистическое окружение, надо неуклонно вести работу по всемерному укреплению социалистического государства.

Лишь по достижении окончательной победы коммунизма, когда уже не будет враждебной коммунизму капиталистической системы, социалистическое государство, выполнив своё историческое назначение и исчерпав свои функции, начнёт постепенно отмирать.

В «Анти-Дюринге» Энгельс критикует также буржуазное оппортунистическое понятие равенства, сводящееся фактически лишь к требованию изживания политических привилегий в рамках капитализма. Энгельс показывает, что только пролетарская социалистическая революция может привести к установлению того подлинного равенства между людьми, требование которого уже давно несёт на своём знамени революционный пролетариат. «Политическое равенство» в условиях буржуазного общества является мнимым равенством, лишь ширмой, прикрывающей фактическое неравенство, так как буржуазия владеет всеми средствами производства и потребления, а пролетариат располагает лишь своей рабочей силой и является классом эксплуатируемым, т. е. экономически и политически бесправным. «Пролетарии,— говорил Энгельс,— ловят буржуазию на слове: равенство должно быть не только мнимым, оно должно осуществляться не только в сфере государства, но и быть действительным, оно должно проводиться и в общественной, экономической сфере»¹.

Действительное равенство между людьми, за осуществление которого борется революционный пролетариат, может быть достигнуто только путём социалистической революции, лишь с победой коммунизма.

«...Реальное содержание пролетарского требования равенства,— подчёркивает Энгельс,— сводится к требованию уничтожения классов»².

Разоблачая идеалистическую болтовню Дюринга о свободе как равнодействующей силе между рациональным пониманием и инстинктивным побуждением или о свободе как восприимчивости «к сознательным мотивам, сообразно природному и приобретенному рассудку», Энгельс раскрывает содержание марксистских понятий свободы и необходимости, показывая их непосредственную связь с борьбой пролетариата за коммунизм.

Марксистское понятие свободы состоит прежде всего в утверждении, что освобождение народных масс является необходимым предварительным условием освобождения личности. Степень свободы в поведении людей зависит от степени овладения ими зако-

---

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 100.

² Там же, стр. 101.

нами развития природы и общества: «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей... Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела»¹.

Чем глубже и полнее человек познаёт законы развития природы и общества, тем яснее он понимает необходимость обуславливаемых ими явлений объективного мира, тем увереннее и свободнее его поведение и практическая деятельность. Без знания законов природы человек не свободен в своих действиях, он раб природы, его действия стихийны. Человек, познавший законы природы, строит свою практику, сообразуясь с ними, опираясь на них, заставляя служить природу своим целям, его действия уверенны и свободны. «Первые выделившиеся из животного царства люди,— пишет Энгельс,— были во всем существенном так же несвободны, как и сами животные, но каждый шаг вперед на пути культуры был шагом к свободе»².

Пока люди не знали законов общественного развития, они были рабами слепой, стихийной необходимости, они не могли сознательно направлять развитие общества. Общество развивалось стихийно, независимо от сознания и воли людей.

С открытием Марксом и Энгельсом законов развития общества рабочий класс под руководством коммунистической партии стал строить свою революционную политику и практику в соответствии с законами общественного развития, научно осознал историческую необходимость своей освободительной миссии, неизбежность уничтожения капитализма и победы коммунизма.

Коммунизм — это такой «общественный строй, где не будет больше никаких классовых различий, никаких забот о средствах индивидуального существования и где впервые можно будет говорить о действительной человеческой свободе, о жизни в гармонии с познанными законами природы»³.

Свергнуть буржуазию, уничтожить капитализм и построить коммунизм, «совершить этот освобождающий мир подвиг — таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия, а вместе с тем и самую природу этого переворота и, таким образом, выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела — такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения»⁴.

Характеризуя основные черты полного и окончательно победившего коммунистического общества, Маркс и Энгельс указывали, что оно будет бесклассовым и безгосударственным. Все средства

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 107.

² Там же.

³ Там же, стр. 108.

⁴ Там же, стр. 269.

производства станут общественной, всенародной собственностью, хозяйственная жизнь будет направляться по заранее разработанному плану, интересы личности будут подчинены интересам общественным, общество будет обеспечивать потребности каждой личности, осуществится принцип: «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

При коммунизме «общественное бытие людей, противостоявшее им до сих пор, как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самого человека. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»¹.

Это великое предвидение Маркса и Энгельса, непосредственно вытекающее из созданной ими теории научного социализма, уже подтверждено историей и практикой революционной борьбы пролетариата, руководимого партией Ленина — Сталина.

Победа социализма и постепенный переход к коммунизму в СССР, успешное развитие стран народной демократии по пути социализма являются практическим воплощением перехода человечества из царства необходимости в царство свободы.

---

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 267.

Цена 60 коп.

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ:

ПРИНИМАЮТ ВКЛАДЫ до востребования, срочные, выигрышные, условные и на текущие счета;

ВЫДАЮТ ВКЛАДЫ по первому требованию вкладчиков;

ПЕРЕВОДЯТ ВКЛАДЫ из одной сберегательной кассы в другую;

ВЫДАЮТ И ОПЛАЧИВАЮТ АККРЕДИТИВЫ;

ПРОДАЮТ И ПОКУПАЮТ облигации Государственного 3% внутреннего выигрышного займа;

ВЫПЛАЧИВАЮТ ВЫИГРЫШИ по облигациям государственных займов.

По вкладам, внесенным в сберегательные кассы, вкладчикам выплачивается доход в виде процентов и выигрышей.

ВНОСИТЕ ВКЛАДЫ *в сберегательные кассы!*